

А. В. Верников, А. А. Курышева

Отношение к жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках¹

ВЕРНИКОВ Андрей Владимирович — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Email: vernikov@inecon.ru

КУРЫШЕВА Анна Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет. Адрес: 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

Email: vesta11@list.ru

В центре внимания нашей работы — отношение к жизни не по средствам и к долгам в традиционном русском дискурсе. Рассматривая народные пословицы и поговорки как материал для исследования институций, характеризующих экономическую культуру определённого исторического периода, мы изучили сборник «Пословицы русского народа» В. И. Даля, изданный в 1862 г., и прежде всего такие его разделы, как «Займы», «Щегольство», «Бережь — мотовство», «Умеренность — жадность», «Тороватость — скупость» и «Богатство — достаток». Обнаруженные ключевые элементы дискурса сгруппированы по трём темам: (1) жизнь по средствам и что ей мешает; (2) жизнь в долг, заимствование; (3) предоставление займов. Главный эмпирический результат в том, что народный дискурс, бытовавший, по меньшей мере, вплоть до середины XIX века, однозначно осуждал попадание человека в долговую зависимость и те явления, которые к этому ведут, подрывая финансовое положение домашнего хозяйства. Это в первую очередь потребление сверх необходимого, фетишизация вещей и чрезмерные необдуманные траты. Одна часть ценностных установок поощряет опору на свои возможности, что предполагает самообеспечение и самоограничение в потреблении и тратах. Другие ценностные установки порицают качества, расширяющие эту опору. Принципы самоограничения и самообеспечения по смыслу близки сегодняшним идеям устойчивого развития. Мы приходим к выводу, что дальнейшие исследования в обозначенном нами направлении способны поменять знак в оценках русской экономической культуры, что сегодня представляется важным и актуальным.

Ключевые слова: экономическая культура; социология потребления; традиционные ценности; анализ дискурса; долг; институция.

*В займы не брав, хоть гол — да прав.
Чужие денежки ночью хлеб едят.
Чужие денежки зубасты.
[Даль 1862: 583, 584]*

Введение

Мы выясняем воплощённое в русских пословицах и поговорках, бытовавших, по меньшей мере, вплоть до середины XIX века, отношение к жизни не по средствам и к займам на цели личного потребления. Нас интересует, были ли такие явления социально одобряемой и поддерживаемой нормой в России того времени. Это поможет лучше понять последующую институ-

¹ Мы благодарны Д. В. Диденко, М. Н. Конягиной, И. В. Павлюткину, Т. О. Проволович, И. С. Пыжеву, В. Н. Руцкому, М. В. Рыжковой, Е. П. Севастьяновой, анонимному рецензенту, участникам семинаров в Сибирском и Южном федеральных университетах и конференции в НИУ ВШЭ.

циональную динамику социологического явления, описываемого современным концептом «опережающее потребление» [Baudrillard 1996]. Данная работа продолжает эмпирическое изучение взаимосвязи между потребительством и жизнью в долг [Верников, Курышева 2021; 2022].

Пословицы и поговорки являются частью народного дискурса и отражают устойчивые представления о практиках, принятых в обществе в определённое время [Моисеева, Чудина 2004]. Мы обращаемся к этому материалу как источнику знания об интересующей нас конкретной сфере, а именно о культуре потребления, заимствования и расходования средств в рассматриваемый исторический период. Изучение русского фольклора должно помочь нам разобраться в исходных культурных традициях, даже если к настоящему времени многие из них изменены либо вовсе утрачены.

Внимание к содержанию дискурса позволяет увидеть и объяснить особенность социальных практик, а также проследить «вызревание» институциональных изменений в народных массах. В литературе фрагментарно представлены те или иные сюжеты экономической жизни, для объяснения которых используются пословицы и поговорки. Комплексного тематического исследования элементов культуры потребления, заимствования и расходования средств на материале пословиц и поговорок русского народа мы не обнаружили у других исследователей и решили начать восполнение этого пробела.

Дополнительной мотивацией послужило то, что в работах российских обществоведов последних десятилетий суждения о традиционной экономической культуре русского народа, его «социокультурных кодах»² были преимущественно негативными. Продвигались идеи о том, что «социально-экономический генотип» российского общества [Майминас 2016] якобы тормозит научно-технический прогресс, а некоторые ценности традиционной русской культуры и вовсе «непродуктивные» применительно к современным условиям: нестяжательство, например, «подрывает стимулы к труду и бережливости, к предприимчивости, ограничивает потребности», поэтому «процветанию не содействует» [Ясин 2003: 44–45]. В научной среде сложился стереотип об оппортунизме в финансовом поведении, об исконной склонности русских людей жить не по средствам и несклонности отдавать долги. У нас возникло желание прикоснуться к первоисточнику и составить собственное суждение.

В следующем разделе статьи даётся краткий обзор источников, раскрывающих значение пословиц и поговорок для понимания институционального устройства общества. Далее объясняется дизайн исследования; представлены его эмпирические результаты, а также их обсуждение и интерпретация. Последний раздел статьи подводит итоги исследования.

Пословицы и поговорки как материал для исследования институций³

Ценность пословиц и поговорок как исследовательского материала состоит для нас в содержащихся в них правилах и прецедентах деятельности, которые описывают модель поведения и прогноз развития той или иной ситуации [Моисеева, Чудина 2004: 171]. Роль пословиц и поговорок для понимания институционального устройства, по сути, охарактеризована словами В. И. Даля: по пословицам и поговоркам можно «видеть, что говорит народ о той либо другой стороне житейского быта», «сделать

² Словосочетание «социокультурный код», которое предположительно служит производным от «культурного кода», естественно было бы связать с понятием архетипа. На деле же в экономической литературе упрочилась ассоциация этой категории с биосоциальными факторами [Аузан 2013: 174]. Сходное понятие «социально-экономический генотип» общества [Майминас 2016] вызывает уже прямую ассоциацию с генетическим кодом человека. Корректность подобных «биологизмов», заимствованных из биологии концептов, неочевидна, поскольку на генетическом уровне культура не передаётся, и остаются открытыми вопросы о единице «кода» и о её материальном носителе.

³ Под институцией понимается опривыченная, взаимно типизированная членами определённого сообщества социально-экономическая практика, в основе которой — укоренённые ценности, убеждения и стереотипы. В такой трактовке мы опираемся на работы: [Бергер, Лукман 1995; Ефимов 2016].

какой-нибудь свод и выводы, общее заключение о духовной и нравственной особенности народа, о житейских отношениях его» [Даль 1862: XXXIV]. Пословица «не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств» [Даль 1862: XXII]. И. М. Снегирёв поясняет, что в русском языке понятие «пословица» со временем стало относиться к тому, что согласно со словом и делом, как и латинское *proverbium* и французское *proverbe* [Снегирёв 1999: 30–31].

Понимание связи между прошлым и настоящим предполагает изучение экономической культуры в ретроспективе. Историчность социальной реальности опирается на знание об институтах, образуемых укоренёнными убеждениями, привычками, мифами, опытом и мудростью. Сохранение, расширение и воспроизведение институционального порядка предполагают, что всем детям рассказывают одни и те же истории, схожим образом интерпретируемые [Бергер, Лукман 1995: 103–104]. Распространение ценностей происходит в том числе через продвижение соответствующей лексики и сюжетов. Это касается и культуры потребления [Schmitt, Brakus, Viraglia 2022; Wrenn 2022]. Привычные представления о потреблении, долгах и расходовании средств точно так же конструируемы социально, как любое общественное явление или процесс. Существуют исторические свидетельства того, что превращение практики финансирования потребления за счёт заимствований в социальную норму происходило под воздействием заинтересованных сторон, целенаправленно формируя соответствующую риторику [Зелизер 2004]. В свою очередь, социальное одобрение жизни взаимности может постепенно развиваться в самоподдерживающуюся культуру заимствований [Lea, Webley, Levine 1993].

Общественные практики во многом основываются на передаваемых по наследству знаниях о том, что приемлемо и одобряется — на своеобразной «совокупности рецептов» [Schütz 1962]. Сохранение и воспроизведение институционального порядка тесно связано с дотеоретическим знанием. Одну часть его составляет словарный запас, другую — пословицы и поговорки, нравственные предписания, мудрые изречения, мифы, сказки, легенды, прочие формы народного наследия, то есть всё, что известно о социальном мире. Перечисленное представляет собой, по сути, связанные с конкретными поступками прагматичные схемы, выступающие прообразом теоретических положений. Отклонение от этих схем считается невежеством, моральной испорченностью, безнравственностью и развращённостью [Бергер, Лукман 1995: 110–111; 153–155].

В отечественной научной литературе традиция изучения пословиц и поговорок достаточно развита. Метаанализ текстов, содержащихся в научной электронной библиотеке (eLIBRARY.RU), в ноябре 2022 г. выявил по тематике «Экономика. Экономические науки» 1211 статей, а если учитывать книги, материалы конференций и диссертации, то получится 2305 источников. Правда, значимую часть среди них занимают педагогические, филологические и другие труды. Собственно же экономических аспектов, затрагиваемых в работах, апеллирующих к пословицам и поговоркам, не так много.

В литературе встречаются сюжеты о том, как этнический фольклор, то есть пословицы и поговорки, отражается в традиционном экономическом поведении народа Саха (Якутия) [Местникова 2005]. Особенности восприятия социального мира якутов обуславливают такие черты предпринимательской культуры, как осёдлость, значимость родственных и дружественных связей, социальных сетей (в особенности для выходцев из сельских территорий).

Филолого-исторический подход применён при изучении пословиц о налоговом управлении [Махрова, Кузнецов 2006]. Проанализированы народные изречения, которые описывают формы налогообложения, существовавшие на Руси на докапиталистической стадии (дань, мыты, подать, оброк, тягло). Авторы усматривают в изречениях практический смысл: «При вариативности поведения необходимо поступать так, как учат мудрые пословицы и поговорки» [Махрова, Кузнецов 2006: 92].

Особенности русской народной экономической культуры, передаваемые пословицами и поговорками, описаны в статье А. В. Горшкова, где автор показывает, что самообеспечение и самоограничение, добросовестный труд, честный заработок, скромность и бережливость считаются добродетелями, а стяжательство порицается [Горшков 2011]. Именно эти качества определяли кодекс русского предпринимателя, а не надежда на авось, лень или отсутствие склонности к труду.

С использованием пословиц и поговорок проанализирован горнозаводской быт на пореформенном Урале на рубеже XIX–XX веков [Коробков 2019]. Несмотря на отрицательное отношение к воровству, заложенное в христианском учении, народный фольклор отражает противоречивое и порой даже лояльное отношение к этому явлению. Воруют якобы из-за крайней нужды и трудных жизненных обстоятельств, то есть это способ выживания. Причины оправдательно-терпимого отношения уральских рабочих к массовому воровству на предприятиях края могли крыться в суровых социально-экономических условиях существования рабочих, особенностях организации местной промышленности и политики заводоуправлений, задержавшей развитие кустарных промыслов. Тот же стереотип сохранился и в советскую, и постсоветскую эпохи. Судя по используемым в речи уральских рабочих пословицам и поговоркам, невыполнение долговых обязательств было наиболее распространённой разновидностью обмана. С практикой заимствований связываются такие сюжеты, как отчаяние, психические и нравственные страдания, переживания по поводу невыполненных долговых обязательств, кабальные условия займа, привычка жить в долг, намеренная нечистоплотность или финансовое мошенничество, отказ предоставлять деньги в долг.

«Бытийно-экономическое» знание, содержащееся в пословицах и поговорках «экономического» характера, охватывает культурные стереотипы, которые описывают ситуации крайней бедности и нужды, обеспеченной жизни, нищеты и безденежья, богатства и бедности, отношение к деньгам и операциям с ними [Глехатук 2017]. Тогда как общенациональная картина мира изменчива, этнокультурные и духовно-религиозные составляющие народного фразеологического запаса устойчивы во времени, сохраняют стабильность семантики и прагматики.

Осмысление понятия «долг» в русских пословицах и поговорках в сравнении с английскими с позиций когнитивной лингвистики показало, что осуждение долга во всех проявлениях закреплёно исторически на обоих языках [Карачина 2015: 69]. Речь идёт как о заимствовании, так и об одалживании, а также об отношениях между должником и одалживающим.

Дизайн исследования

Использовать материал русских пословиц и поговорок мы решили для того, чтобы изучить убеждения и установки по отношению к институции жизни не по средствам и институции заимствования. Разумеется, мы делаем поправку на фактор времени и понимаем, что речь идёт о народной экономической культуре определённого периода⁴; за полтора века что-то могло измениться. Что-то, но не всё: культура инерционна. Не претендуем мы и на то, чтобы охватить общероссийскую традиционную культуру. Вместе с тем, по мнению самого Даля, изданные им пословицы и поговорки служат жизнеописанием настоящего, исконно русского быта [Даль 1862: V–VI].

Исходя из своего «прагматического задания», пословица «указывает на отношение говорящего к ситуации (одобрение, неодобрение, согласие, совет и т. д.)», то есть включает не только фактический, но и этический, оценочный, аспект (нравоучительность) [Моисеева, Чудина 2004: 172]. Этот оценочный аспект, содержащийся в фольклоре, принято называть традиционными ценностями. Мы хотели бы

⁴ Упрёк в том, что мы якобы исходим из предположения о статичности культуры и не учитываем фактор времени, содержится в одной из рецензий на рукопись данной статьи. Не исходим. И учитываем.

подчеркнуть, что под традиционностью подразумеваем не устаревшее и ретроградное, а устоявшееся, упрочившееся и в достаточной мере укоренённое, то, что образует институциональное устройство.

Мы разделяем и используем представление о том, что пословица рисует словесную модель жизненной ситуации и воплощает информацию в наглядный образ [Моисеева, Чудина 2004: 171]. Мы исходили из того, что пословицам свойственно несоответствие между собственным (дословным) значением и прагматическим (передаваемым). Пословицы направлены на усиление речевого воздействия, привлечение внимания к предмету за счёт образности, иносказательности, афористичности, обобщённого значения. По этой причине единицей нашего анализа стала пословица, а не её части.

Мы принимаем во внимание достаточно условный характер строгого разграничения между пословицами и поговорками в лингвистическом отношении⁵ [Потапова 2016]. Далее в работе мы не разделяем материал на пословицы и поговорки, а понятие «изречения» используем как их синоним.

Исходным источником изучаемого материала послужил труд В. И. Даля «Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.» (далее по тексту — Сборник), изданный впервые в 1862 г. Удобство использования этого источника в том, что изречения сгруппированы по тематическим разделам, то есть по смыслу. В большинстве других источников они группировались по алфавиту, что затрудняет поиск нужного материала.

Предметом изучения служат установки, касающиеся потребления средств не по статусу и жизни в долг. Мы ставили задачу охватить все зафиксированные в сборнике изречения, описывающие культуру потребления и расходования средств в части отношения к долгу, заимствованию, показному потреблению не по карману, расточительству, и выявить наибольшее количество установок касательно этих явлений в пределах определённой выборки. Наше внимание было сфокусировано именно на восприятии потребления сверх средств, не по доходу, не по статусу.

Для первоначального отбора материала тематика условно была обозначена так: (1) что заставляет людей тратить больше, чем они могут себе позволить; (2) займы. Мы проработали разделы Сборника, наиболее содержательные в этом отношении, а именно: «Займы», «Бережь⁶ — мотовство», «Богатство — достаток», «Тороватость — скупость», «Умеренность — жадность», «Щегольство». Всего в исходную выборку попало 614 изречений, или около 3% от общего числа пословиц и поговорок в данном источнике.

Сбор и анализ материала проходил следующим образом: ознакомившись полностью с отмеченными выше разделами книги Даля, мы отобрали те пословицы и поговорки, которые относятся к нашему предмету по смысловому значению, независимо от наличия или отсутствия в них слов «долг», «заём» и проч. Каждое изречение оценивалось с точки зрения содержащихся в нём сюжетов и мотивов и кодировалось. Изречениям, которые сходны по смыслу, несут одинаковый посыл и выражают одно и то же

⁵ В. И. Даль характеризует пословицу как «коротенькую притчу», состоящую из двух частей: общей картины, то есть суждения, и толкования, или поучения [Даль 1862: XXI], а поговорку — как «переносную речь, простое иносказание <...> способ выражения — но без притчи» [Даль 1862: XXIII]. В. И. Далем выделяются также и «пословичные изречения» [Даль 1862: XXIII]. Будучи недоговорена, пословица мало отличима от поговорки, и, наоборот, логическое довершение намёка, содержащегося в поговорке, до полного высказывания превращает её в пословицу [Даль 1862: XXI–XXIV]. Поговорки и пословицы различаются как единицы речи, в том числе ситуативно ограниченной обобщённостью значения и отсутствием прямого поучительного смысла: пословицы выражают «массовую народную оценку, народный ум» или «непосредственный социально-исторический опыт», тогда как «поговорки лишены прямого обобщённого поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления» [Аникин 1957: 9, 10, 15].

⁶ Бережливость (*устар.*).

отношение к ситуации и (или) событию, присваивался одинаковый код. В случае если изречения транслировали несколько посылов, им присваивались несколько кодов. Таким образом, мы использовали индуктивное и абдуктивное рассуждение в рамках одной из аналитических традиций качественного исследования — теоретизирования, основанного на фактах (*grounded theorizing*), а текстовый материал служил источником этих фактов, то есть аппроксимацией опыта [Guest, Namey, Mitchell 2013].

Первым был проработан раздел «Займы», как напрямую относящийся к нашему предмету и содержащий самое большое количество изречений по сравнению с другими разделами, охваченными выборкой. Затем были изучены остальные разделы с целью поиска изречений, которые:

- относятся к предмету исследования напрямую, но отсутствуют в разделе «Займы»;
- затрагивают смежные сюжеты, помогающие понять, объяснить или дополнить обнаруженное в разделе «Займы».

Тесная связь пословиц и поговорок с социальными практиками позволяет допустить их устаревание вследствие входящих в них архаизмов или исчезновения описываемых ими реалий [Кунин 1968: 40–41]. В нашем случае ситуация, скорее, обратная. Банковское кредитование физических лиц на цели личного потребления — а именно оно основной объект эмпирического анализа в рамках нашей более широкой исследовательской программы — ещё не было развито в тот период, когда сложились и были записаны И. М. Снегирёвым изучаемые пословицы. Предоставление займа предполагало преимущественно взаимодействие отдельных людей, не опосредованное организациями (банками). По этой причине мы вынуждены смотреть на тему шире и изучать пословицы, которые так или иначе затрагивают долговые отношения между людьми, а эти отношения существовали издревле. Сюда входят и те изречения, которые посвящены качествам и принципам, помогающим сохранить (либо, наоборот, подорвать) финансовую устойчивость домохозяйства. Это объясняет внимание к таким разделам Сборника, как, например, «Бережь — мотовство» или «Щегольство».

Отобранные 287 изречений позаимствованы из следующих разделов: «Займы» (128), «Щегольство» (59), «Бережь — мотовство» (45), «Умеренность — жадность» (39), «Тороватость — скупость» (14) и «Богатство — достаток» (2). Из этого последнего раздела в выборку вошла, в частности, пословица о ростовщичестве (в других местах Сборника это слово не встречается).

Интерес представляют и смежные темы. Например, антропологический контекст выявляет смысловую связь между долгом и даром [Мосс 2011]; концепция показной расточительности [Веблен 2022] отсылает к теме производительного и непроизводительного труда, а концепция опережающего потребления [Vaudrillard 1996] — к проблеме соотношения между трудовыми усилиями и потреблением во временном отношении (сначала заработай, а потом покупай; рассчитывай на свои). Такой анализ мы оставляем на следующий этап осуществления нашей исследовательской программы.

Что касается прочих источников⁷, то мы опирались на составленные в советское время сборники русских пословиц и поговорок: [Аникин 1957; Жигулёв 1958; Рыбникова 1961; Соболев 1983; Жуков 1991]. Мы пытались выявить не столько дополнительные формулировки, сколько новые сюжеты, которые от-

⁷ В Сборник В. И. Даля по неизвестной нам причине не вошла ни одна из целого пласта русских пословиц и поговорок, прямо или косвенно затрагивающих тему долгов, займов, ростовщичества и т. д. в контексте этнических предрассудков народа, прежде всего антисемитизма. В них именно представителям другого этноса и иной религии приписывались все отрицательные черты и ответственность за последствия заимствований для русского человека. По этическим причинам мы не имеем возможности воспроизвести здесь эти пословицы, тем более что публикующие их электронные ресурсы трудно отнести к разряду надёжных и достоверных. Часть таких пословиц может оказаться фейковыми, псевдонародными.

носятся ко второй половине XIX — началу XX в. Происхождение изречений в таких сборниках трудно достоверно идентифицировать [Скрадоль 2011]: некоторые из них псевдонародные и сконструированы официальной пропагандой. Анализ источников этого периода требует осторожности из-за нередкого сознательного искажения смысла дореволюционных изречений [Костюхин 1999: 476, сн. 60].

Стараясь разграничить, насколько это возможно, дискурсы по времени, при анализе указанных источников мы ориентировались на четыре признака — стилистику, лексику, строение фразы и сюжет⁸. Анализ не выявил принципиально новых сюжетов, которые можно было бы обоснованно добавить к сформированной нами на предыдущем этапе выборке. Даже если учитывать изречения, сконструированные искусственно или путём переделки (перефразирования) тех, которые бытовали со времён Снегирёва и Даля, то по своему смыслу и общей направленности они остались вполне созвучны прежним. В выборку добавлены четыре пословицы из словаря В. П. Жукова. Хотя теоретическое насыщение в плане искомых сюжетов оказалось достигнуто ещё на предыдущем этапе, эти дополнительные изречения позволили придать больший вес двум сюжетам (применение вещей по прямому назначению; потребление согласно доходу и статусу). Одно из этих изречений отсутствует в собрании Даля, а три остальных обнаружены в других разделах, ранее нами не охваченных.

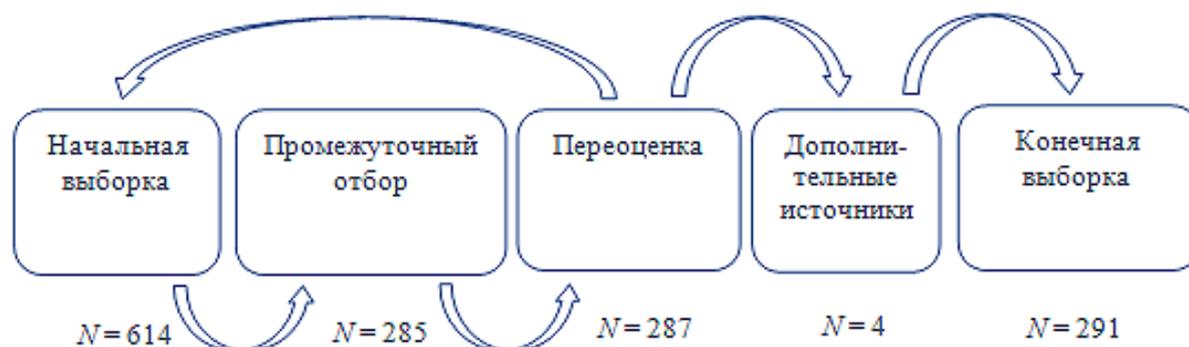
В итоговую выборку вошла 291 пословица и поговорка. Процесс отбора источников изображён на рисунке 1.

Каждому изречению присвоен один код в зависимости от передаваемого им посыла, транслируемого убеждения, установки. Схожие установки объединены в 15 сюжетов, которые распределены по трём темам (см. раздел «Эмпирические результаты»)⁹. На основе проведённой работы сформулирована теоретическая концепция.

Существует опасность неверного толкования пословиц. Принято считать, что пословицы как часть народной мудрости, житейской правды самодостаточны и интуитивно понятны носителю культуры, а потому не требуют поиска дополнительного скрытого смысла: «Пословица “обязана” быть общепонятной, поскольку она полагается общеупотребительной» [Костюхин 1999: 476]. Это не вполне так, и даже глубокий исследователь и знаток фольклора В. И. Даль порой испытывал трудности в понимании и интерпретации пословицы. Необходима и осмотрительность, чтобы не выдать желаемое за действительное, не приписать лишнего и избежать «натяжки воображения», особенно в том, что относится к научному исследованию [Даль 1862: XI]. Увлечённому исследователю может показаться, что пословицы характеризуют действительно экономическое поведение людей, но это не так. Пословицы не говорят о том, как люди вели себя на самом деле, а лишь о том, как большинство сообщества *хотело бы, чтобы они себя вели*. В действительности же очень многие люди действовали (и продолжают это делать) прямо противоположным образом, а именно занимались показухой, жили не по средствам, брали в долг без надежды вернуть, пропивали необходимое имущество, вели себя оппортунистически в том, что касается своих денежных обязательств, и т. д.

⁸ Например, показателями принадлежности к советской эпохе служат сюжеты из жизни рабочего класса, отсылки к героизму, единству и мощи народа, акцент на солидарности с курсом правящей партии, пренебрежение к религии, очернение священников, словосочетания «Родина-мать», «положение угнетённых».

⁹ Пошаговое описание процесса анализа материала на примере темы «Заимствование средств, долги» приведено в приложении.

Источник: Составлено авторами.

Рис. 1. Формирование выборки (N — количество изречений)

В тех случаях, когда возникал риск, что изречение понято нами неправильно, оно помечалось дополнительным кодом для последующей перепроверки. Некоторые изречения обнаруживались одновременно и в других разделах Сборника, что помогало уточнить их смысл. В ходе работы, самопроверки и движения от материала к выводам и обратно изречения неоднократно переоценивались. Для перекрёстной проверки значений дополнительно использовались толковые словари.

Эмпирические результаты

Ключевые элементы проанализированного нами народного дискурса сгруппированы по трём темам: жизнь по средствам и что ей мешает; заимствование средств; одалживание средств. В рамках каждой из этих тем выделены установки, которые образуют основной мотив изречений.

1. Жизнь по средствам ($N = 84$)¹⁰; что мешает жить по средствам ($N = 79$)

1.1. Осмотрительность в тратах создаёт основу достатка и опору в трудные времена:

Не приходом люди богатеют, а расходом;
 Не о том речь, что много в печь, а о том, куда из печи идет;
 Семеро, да все на семена;
 Нужда не мала нажать, а нужнее, чтобы наживши не погубить;
 Чтоб было дворно, да не проторно (или: не исторно);
 Бог даст денежку, а черт дырочку, и пойдет Божья денежка в чертову дырочку;
 У него расход — Кирилова монастыря; а приход — репной пустыни;
 То и прочно, что сбережено;
 Лучше свое побережь, чем чужое прожить;
 Бережь лучше (или: дороже) прибýtка;
 Копейка к копейке — проживёт и семейка;
 Домашняя копейка лучше отхожего (или: исхожего) рубля;
 Береги (или: паси) денежку про чёрный день!

1.2. Скромность и умеренность в потреблении и тратах одобряется, а излишества, нетерпеливость, жадность подвергаются насмешке или от них напрямую предостерегают:

¹⁰ Здесь и далее в скобках — количество изречений.

Не всяко зелье горстью: иное щепотью;
Добра соль, а переложить, рот воротит;
Хлеба с душу, денег с нужу, да платья с ношу;
По одежке протягай и ножки;
Ешь пироги, а хлеб вперед береги (то есть ешь так, чтоб на хлеб стало)!
Чем живешь? Долгами. (А что ешь? Щи с пирогами);
Ложка-то узка, таскает по три куска: надо ее развести, чтоб таскала по шести;
Съесть не смогу, а покинуть жаль. Умру, так с собой возьму;
Не столько сможется (надобится), сколько хочется;
Не по наживе еда, видима беда;
Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою.

1.3. Самоуважение и достоинство видится в опоре на своё, пусть неброское и недорогое, в том, чтобы жить по средствам, не заглядываться на то, что есть у соседа, не обесценивать своё:

На людей глядя жить (то есть не по недостатку), на себя плакаться;
Кто малым не доволен, тот большого не достоин;
Держи обиход по промыслу и добытку;
Свое доброе теряет, а чужого желает;
Того не берут, чего в руки не дают.

1.4. Высмеивается показуха и щегольство не по карману:

Дома — щи без круп; в людях — шапка в рубль;
На брюхе шелк, а в брюхе-то щелк;
Сапожки под скрыпом, а каша без масла;
Пуст карман, да синь кафтан (щеголь);
По моде, и мышь в комоду;
Полог браный, да весь драный. Хоть тряпичка, да тафтичка.

1.5. Объектом иронии служат неуместная манерность или напускной аристократизм, попытки копировать образ жизни обеспеченных слоёв ради иллюзорного ощущения принадлежности к ним. При этом характерные поведенческие привычки, невоспитанность и манеры остаются прежними:

И наша дура коты обула. И мы в Немцах (по платью);
И толста, и пестра, а рыло свиное;
Сорока в платье, ворона в платье, будет платье и на нашей братье;
Ухо пронято, да руки не мыты (у холопа).

1.6. Функциональное назначение вещей важнее производимого ими впечатления:

Не та шинель, что пуговицами блестит, а та, что греет;
Неказиста кляча, да бежь¹¹ хороша;
Посконная рубаха не нагота, хлеб с половной не голодня;
Кто новины (нового холста или хлеба) не видал, и ветоши рад;
Сторожковая да колотковая (то есть шуба собачья, кошачья), а грееть не хуже собольей.

¹¹ Бег (устар.; диалектн.).

2. Заимствование средств, долги (N = 68)

2.1. Заимствование несовместимо с достоинством; оно не может быть предметом гордости:

В займы не брав, хоть гол — да прав;
Заниматься (то есть брать в займы) — что побираться;
Займы — та же кабала. Заниматься — самому продаться;
Берешь, так чванься; а взял, так кланяйся!
Не мудрено данство, мудрено бранство (то есть безсовестность).

2.2. Необходимость вернуть долг. Долг — это моральное обязательство, неотделимое от физического погашения суммы в срок. Расплата по долгам выступает императивом, требованием совести. Способ расплатиться с долгами — работа, вплоть до каторжного труда. Честному человеку необходимо успеть расплатиться с долгами при жизни, чтобы долги не перешли наследникам:

Красны займы отдачею (а наймы уплатою);
Сколько ни занимать, а быть платить;
Умей взять, умей и отдать!
Не хитро взять, хитро отдать.
Спать долго — жить с долгом;
Нечем платить долгу — ступай на Волгу (прежде о разбое; ныне о бурлачестве)!
Долг — первый наследник. Долг не ждет завещания.

2.3. Долг создаёт зависимость, в которую попадают должники и которая усиливается в случае невозможности расплатиться в срок. На заимствование толкает крайняя нужда. Подчёркивается, что отдавать долг трудно, долги могут обернуться ловушкой, кабалой, трясинной, затянуть в нищету, выбраться из которой нелегко:

Должища — что печища: сколько ни клади дров, все мало;
Отца, мать кормить, да долги платить (трудно);
Даром брать хорошо, а отдавать худо;
Тот в нищие пошел, на ком долг тяжел;
От долгов и в подполье уходят;
От долгов — хоть в воду (хоть удавиться, хоть петлю на шею);
Не платить долгов, так и дверь с пяты полетит;
Займы, что путина: знаешь, когда поехал, не знаешь, когда приехал;
Нужда — мизгирь (паук), а заемщик, что муха.

2.4. Заимствование несовместимо с выгодой, не является источником заработка, роста, продуктивных вложений, а противоположно им. Заёмщик всегда переплачивает и потому остаётся внакладе:

Чужие денежки ночью хлеб едят. Чужие денежки зубасты;
Займом богат не будешь. Долг не расжива;
Заемщик на коне ездит, плательщик — на свинье;
Возьмешь лычко, а отдашь ремешок;
Больше сроку, больше и росту (при займе);
На рубль долгу — три полтины росту;
Долги — что тля (моль) в меху. Съедают долги и богатого.

2.5. Наличие долга — моральный гнёт, несовместимый с радостью, весельем, спокойствием; физические, материальные лишения пережить можно, а долг может разрушить жизнь:

Вошь, что заемный грош, спать не дает;
Долг не ревет, а спать не дает;
Долг стоит у порога;
Рад будешь, как долг избудешь;
Голод мутит, а долг крушит.

3. Одалживание (предоставление средств займы) (N = 60)

Отрицательные установки по отношению к практике одалживания (предоставления займа). Интересно, что неодобрение одалживания относится как к заёмщику, так и к займодавцу: в структуре раздела «Займы» Сборника [Даль 1862: 583–587] 41% изречений содержат негативные коннотации, адресованные заёмщикам, а 37% касаются предостережений кредиторам:

3.1. Давая в долг, надо быть готовым к тому, что его могут не вернуть:

Старый долг собрать, что клад найти;
На том свете угольем отдам (долг);
Дай займы, да назад не проси!
Займы без отдачи;
Дай денег займы, так и поклонись им!
Заклад носи до заплат (не надейся на выкуп);
Пиши долг на заборе: забор упадет, и долг пропадет;
Взял на час, да и в добрый час;
Долги помнит не тот, кто берет, а кто дает.

3.2. Возвращать одолженное трудоёмко и накладно:

Бери долг — чем дают, а не чем хочется!
Займует — ходит, а платит — так кругом обходит;
На заем память, на отдачу другая;
Пиши долг на двери, а получать будешь в Твери;
Пиши на дверь, получай с притолоки.

3.3. Долг портит отношения:

Дать другу в долг, а у недруга самому взять;
Друга не теряй, денег не давай (то есть ему)!
В долг давать — дружбу терять;
Коли надоел человек, так дай ему в займы!
Нессуда — остуда; а ссуда — вечная ссора;
Если хочешь врага нажить, так дай в долг денег!
Займует, так сватушка сват; а занял, так и черт не брат.

3.4. Заёмщик и займодавец меняются местами, займодавец оказывается в унижительном положении, вынужден напоминать о возврате долга и искать способ вернуть одолженное:

Поклоны за поклоны отдавай: кланялись тебе занимаючи, накланяешься собираючи;
 Берет — так кланяется, а возьмет — так чванится;
 Долги собирать — что по миру идти: бери, что дают, да кланяйся!
 Долги и соломой (и мякиной) собирают;
 Отдай руками, а не выходишь и ногами;
 Должен, не спору; отдам не скоро; когда захочу, тогда и заплачу;
 Взавши, других поучишь; отдавши, сам в науку пойдешь.

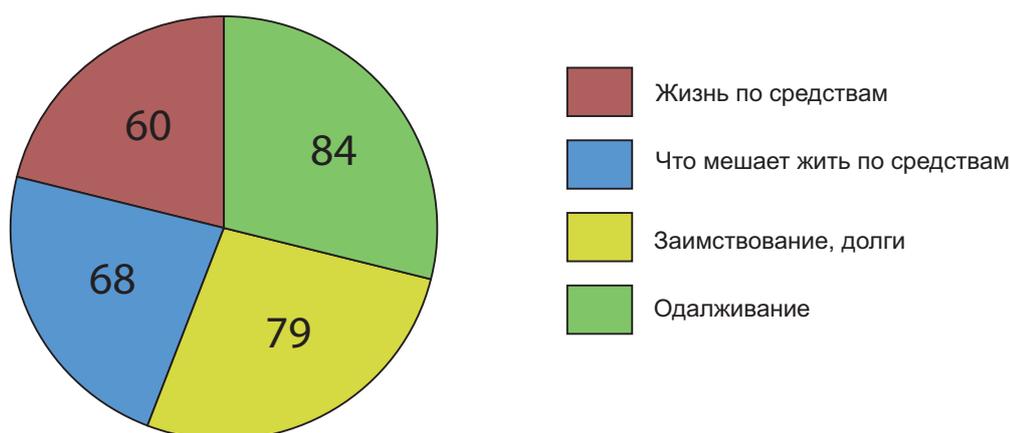
3.5. Давать в долг неосторожно, неосмотрительно, неумно:

Плут, кто берет; а глуп, кто дает;
 Не тужи, кто берет; тужи, кто в займы дает;
 В займы брать — других учить; в займы давать — себя казнить.

3.6. Ростовщичество — не просто небогоудное занятие, а смертный грех:

Ростовщики на том свете калёные пятаки голыми руками считают.

На рисунке 2 видно, что найденные нами сюжеты распределены по темам достаточно равномерно.

Источник: Составлено авторами.

Рис. 2. Количественное распределение сюжетов по темам, $N = 291$

Обсуждение эмпирических результатов

Изученный материал показывает, что для исконно русских пословиц и поговорок было характерно неприятие жизни в долг. Существование такого значительного количества пословиц и поговорок о заимствованиях и показных тратах подтверждает: эти социальные явления были широко распространены, хотя и встречали противодействие на уровне народного сознания («В займы не брав, хоть гол — да прав»).

Сюжеты, описывающие жизнь в займы, не просто осуждают, а прямо предостерегают от заимствования. Изречений, которые поддерживали бы культуру заимствований, среди почти 30 тысяч пословиц и поговорок не встречается. Это подтверждает мнение об исторически укоренённом осуждении долга в любом его проявлении [Карачина 2015]. Транслируется понимание долга как социального отношения,

не одобряемого, даже предосудительного и характеризующего двусторонней зависимостью¹². Ярко выражено осуждение как нравственной (моральной, этической), так и «чисто экономической» стороны долговых отношений, причём одно неотделимо от другого, что соотносится с антропологическими работами о долге [Reebles 2010]. Причисляются долговая зависимость, бездумные траты, нажива за счёт бедняков или временно попавших в беду. Вместе с тем есть и признание необходимости возвращать долг, причём любой ценой («*Нечем платить долгу — ступай на Волгу*»), что противоречит расхожим стереотипам о традиционно низкой «финансовой культуре». Служат объектом социальной иронии и насмешки потребительство и показное расточительство, которые нередко становились причиной плачевного финансового положения. Предоставление в долг знакомым воспринимается, скорее, сочувственно, ростовщичество же порицается как греховное занятие.

Поскольку в православии долгое время были запрещены проценты как таковые и порицалось ростовщичество, а также непощение долгов, то можно было ожидать, что и воплощённый в пословицах дискурс будет содержать те же послылы. По отношению к даче денег в долг под проценты или на кабальных для заёмщика условиях эта гипотеза нашла подтверждение. Вместе с тем в проанализированном материале нам встретилось лишь одно изречение, напрямую отсылающее к религиозному сюжету (см. пункт 3.6 раздела «Эмпирические результаты»). Все остальные пословицы апеллируют к привычному быту, морали, долгу и чести, к экономическому расчёту — к чему угодно, но не к мотивам, связанным с набожностью самой по себе. Отсутствует и мотив всепрощения или метафизического страха наказания. Описанные нами сюжеты «земные» и достаточно разумные. Кроме того, в пословицах осуждается не только займодавство, но и принятие на себя долгов; на этот счёт в религиозном мировоззрении нет чёткой оценочной позиции.

В пословицах воплощена прежде всего традиционная экономическая культура аграрного общества, а аграрной экономике свойственна цикличность, причём в зоне рискованного земледелия вероятность неблагоприятных результатов хозяйствования и резких колебаний урожая выше. В условиях мальтузианского типа роста благосостояние семьи сильно зависело и от других обстоятельств — например, от изменения состава из-за рождений либо смертей. Рост благосостояния с течением времени вовсе не был данностью, и долг становился ещё одним фактором неопределённости, а процент по нему уже не просто отражал межвременное предпочтение: он мог стать прямым вычетом из будущего потребления¹³.

Дискуссионным остаётся вопрос о соотношении сюжетов, касающихся жизни не по средствам, потребительства и расточительства в восприятии разных сословий. Достоверно разграничить элементы содержащегося в пословицах и поговорках дискурса по сословной принадлежности (крестьяне, купечество, дворянство) не представляется возможным. Проигнорировал эту тему и сам В. И. Даль. Нельзя однозначно определить, что проанализированный материал описывает исключительно крестьянскую культуру. Найденные нами изречения вполне могли относиться и к торговцам, купцам, мещанам, служивому люду. Судя по художественной литературе, вводить в свою речь пословицы и поговорки было свойственно людям самых разных сословий. Мы не видим причин, почему ими не могли бы пользоваться, например, в купеческих семьях, особенно старообрядческих, известных своей особой консервативной этикой [Расков 2012]. Что же касается представлений о допустимости жизни в долг у далёкой от народа части дворянской элиты, то вопрос требует отдельного исследования.

Антропологические работы могут помочь в дальнейшем осмыслении полученных нами результатов. Социальная идентичность основывается на особенностях связей между людьми [Strathern 1992: 180],

¹² Хотели бы ещё раз напомнить, что в статье речь идёт исключительно о займах на личное потребление; вопросы предпринимательства не затрагиваются вообще.

¹³ Авторы благодарят Д. В. Диденко, подсказавшего такую интерпретацию эмпирических результатов.

а отношения, возникающие в ходе дарообмена, отождествляются с ключевым принципом социальных взаимодействий [Мосс 2011] и распространяются антропологами на устройство современной кредитной экономики. Предметом предстоящей исследовательской работы могут стать и межстрановые, межкультурные сравнения¹⁴. Однако в данном тексте мы в первую очередь сосредоточились на тех ценностных характеристиках, которые присущи (или были присущи в прошлом) российскому обществу.

Проведённый анализ помогает объяснить неприятие долга, понимаемого как социальное отношение, поскольку обретает почву лейтмотив долговой зависимости, один из ключевых для темы жизни взаимности. Наше объяснение состоит в следующем: то, что ведёт к зависимости, разрушительно, оттого и предпочтение отдаётся сбережению и накоплению. Возможно и дополнительное толкование¹⁵: в русских пословицах, предостерегающих от взятия в долг, акцент делается не на том, что можно было бы сделать на заёмные средства, а на последствиях и трудности вернуть долг с процентами. С одной стороны, если средства берутся на текущее потребление, то это логично. С другой стороны, достаточно велика неуверенность в завтрашнем дне, о чём уже сказано выше. Наконец, фиксация на неблагоприятных последствиях вместо краткосрочных выгод может свидетельствовать о попытке заглянуть в будущее, что несколько контрастирует с известным клише о склонности русского человека жить сиюминутными интересами и потребностями — «здесь и сейчас», об имманентном фатализме.

В проанализированном материале отдельно подчёркивается, что практика сбережения и накопления куда лучше в сравнении с зависимым положением, которое означает долговое обязательство. Ту же задачу предостережения от попадания в зависимое положение выполняют отрицательные установки по отношению к потребительству, бездумному транжирству, расточительству, показным тратам.

Мы не нашли в пословицах проявлений патернализма, упования на чью-то помощь извне для разрешения ситуаций с проблемным долгом, ссылок на известный в России институт круговой поруки. Напротив, пословицы призывают полагаться в этом деле на себя, и только на себя, как бы тяжело ни было. Это ставит под сомнение привычный тезис о якобы врождённой зависимости русских от «патера» или патрона, о привычке к несамостоятельности и безалаберности в принятии решений, стремлении перекладывать ответственность на коллектив или общину в случае финансовых трудностей.

Интересно, что касательно ряда практик пословицы и поговорки, представленные в Сборнике, передают противоречивое отношение, на что указывает и сам В. И. Даль [Даль 1862: XXXVII–XXXVIII]. На примере того же явления воровства, которое было очень распространено, ситуация двойственная: есть изречения, однозначно порицающие, а есть и оправдывающие или, во всяком случае, формирующие снисходительное отношение, вплоть до прощения, ведь простых людей на воровство толкала крайняя нужда [Коробков 2019]. Относительно же практики заимствования и одалживания двойственности нет. Отсутствует указание на расчёт, что погасит долг за тебя кто-то другой и что наличие долга не так уж и страшно — даже учитывая христианский принцип всепрощения.

Обнаруженные нами в пословицах установки можно сгруппировать и так:

- А. Установки относительно добродетельных качеств или нравственных законов, создающих опору, то есть поддерживающих баланс между приходом, расходуемым на потребление, и тем, что послужит основой будущего достатка, устойчивости.
- В. Установки относительно порицаемых, высмеиваемых качеств, то есть крайностей, расшатывающих опору.

¹⁴ Одну из подобных работ — [Карачина 2015] — мы уже упомянули.

¹⁵ Эту гипотезу высказала Т. О. Пролович.

Из проанализированного материала логически вытекает такая концепция: основу прочного достатка с точки зрения традиционных ценностей образует подчёркнутая умеренность в потреблении и тратах, трезвый грамотный расчёт, контроль потребностей, умение полагаться на своё, а не на чужое. Данные качества одновременно упрочивают опору на себя и являются её следствием. Эта теоретическая концепция объясняет, почему в русских пословицах и поговорках заимствование не одобряется — потому, что оно расшатывает опору. Поскольку пошатнувшаяся устойчивость ослабляет возможность должника расплатиться, риск невозврата ослабляет и положение займодавца, не говоря уже о нравственной составляющей. Наши выводы вполне соотносятся с теми, что представлены в статье А. В. Горшкова [Горшков 2011], только к русской народной экономической культуре, помимо характеристик предпринимательства, теперь добавляется культура расходования, потребления. Как и в указанной статье, двумя основополагающими принципами для опоры на свои средства оказывается *самоограничение* и *самообеспечение*. Мы представляем это в виде таблицы, систематизировав традиционные ценностные установки относительно качеств, способствующих финансовой устойчивости и, напротив, нарушающих её (см. табл. 1).

Таблица 1

Группировка обнаруженных в русских пословицах и поговорках качеств, создающих и расшатывающих опору на свои средства

Добродетельные качества: укрепление опоры (устойчивость)	Порицаемые качества: расшатывание опоры
<u>Самоограничение:</u>	<u>Выход из границ в плане желаний, потребностей, трат:</u>
жизнь по средствам, потребление по статусу; трезвое расходование, предотвращение бездумных трат, избегание излишеств; грамотный учёт; умеренная бережливость; использование вещей по прямому назначению	оглядка на других, желания и потребление не по средствам, не по статусу, в том числе в долг; транжирство, мотовство, расход не по приходу, траты и потребление сверх необходимого, бесконтрольные потребности; пренебрежение к учёту; скардность, излишняя скупость; ориентация на показной лоск, «блеск»
<u>Самообеспечение:</u>	<u>Зависимость от внешних источников:</u>
добросовестный труд; умение заработать, создать достаток; уважение своего имущества; создание запаса, в том числе «на чёрный день»	расчёт на лёгкие деньги; проедание доставшегося по наследству или заработанного, нажитого; посягательство на чужое; пренебрежение запасливостью

Источник: авторский анализ на основе указанных в тексте материалов.

Принципы сознательного самоограничения, опоры на собственные силы, избегания зависимости в любой сфере, включая финансовую, постепенно получают признание как предпосылки устойчивого развития (*sustainable development*). Например, Цель устойчивого развития номер 12 в программном документе Организации Объединённых Наций определяется в контексте обеспечения перехода к рациональным моделям потребления и производства¹⁶. Постепенно приобретает значимость изучение и развитие практик этичного потребления, добровольной личной моральной ответственности за способы удовлетворения потребностей [Шабанова 2023].

Дальнейшие исследования в этом направлении могут обнаружить необходимость смены знака оценки ценностных установок, характеризующих русскую экономическую культуру, а затем и противодействия нарративам, стимулирующим безудержное потребительство и жизнь в долг.

¹⁶ См.: URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-consumption-production/>

Заключение

Нас интересовало отношение жителей России, бытовавшее, по меньшей мере, вплоть до середины XIX века, к долгам и жизни не по средствам как важному аспекту экономического поведения. Для этого мы изучили 291 русскую пословицу и поговорку, почерпнутую преимущественно в сборнике В. И. Даля 1862 г. Для проверки устойчивости результата дополнительно проанализированы также источники, изданные в советский период. Обнаруженные элементы дискурса были нами сгруппированы по трём темам: житьё по средствам и что ему препятствует; заимствование и долги; предоставление средств в займы.

Существование такого значительного количества пословиц и поговорок говорит о том, что показные траты и житьё не по средствам были широко распространены уже в то время и встречались даже среди небогатых людей. Однако для народного дискурса было характерно осуждение жизни в долг, бездумных трат и потребления сверх необходимого, которые становятся причиной долговой зависимости и плачевного финансового положения. Основные мотивы здесь — безуспешность попыток копирования простыми людьми образа жизни обеспеченных слоёв; ирония над показухой и щегольством при недостатке собственных средств; достоинство в житье согласно своему статусу; насмешка над излишествами в потреблении и тратах. Нам не попало ни одного изречения, которое одобряло бы институцию жизни в займы, тем более для удовлетворения своих желаний сверх необходимого. Напротив, пословицы учат, что брать в займы — крайняя, вынужденная мера, которой лучше избегать; брать в долг на излишество предосудительно; долги затягивают и оборачиваются моральным гнѐтом и кабалой. Одним из элементов новизны стало для нас однозначное неодобрение *принятия* на себя долгов, а не только осуждаемое традиционной религией заимодавство на несправедливых условиях и взимание процентов.

Анализируемый нами дискурс вполне обычен для традиционного общества, причѐм преимущественно аграрного и весьма архаичного. Подтвердились наши изначальные сомнения в корректности некоторых расхожих стереотипов относительно русских традиционных ценностей и культуры. Осталось непонятно, почему традиционные ценности кажутся кому-то «непродуктивными», а экономическая культура — низкой. В пословицах и поговорках не нашлось подтверждения гипотезы об априорной ориентации на оппортунизм в вопросах возврата долга. Ценностные установки, которые нам удалось идентифицировать, вполне здравые, продуктивные и ответственные в том, что касается защиты собственного положения и предотвращения финансовой зависимости. Русскому народу хватало векового опыта неэкономического принуждения и прочих форм эксплуатации, чтобы радостно воспринять ещё и долговую зависимость от кредиторов.

Последние три десятилетия, однако, в нашем обществе звучал дискурс заимодавцев (говоря современным языком, поставщиков финансовых услуг), транслируемый в том числе и принявшими их идеологию академическими специалистами. У них вызывала разочарование и раздражение «отсталость» населения, мешавшая опутать его (население) кредитными отношениями и потом жить за его счёт, присваивая процентный доход. Отсюда тезис о необходимости «модернизации» ценностей, которая выразилась, в частности, во внедрении представлений о «нормальности» и моральной нейтральности долговых отношений. За последние годы стало чуть понятнее, кто на самом деле выиграл от опривычивания долговых отношений и чьему именно «процветанию» могли препятствовать глубоко укоренѐнное нежелание попасть в долговую ловушку и попытка стоять на своих ногах, пусть даже ценой ограничения и так низкого текущего потребления, как учат пословицы.

Мы выделили в народном дискурсе две ценностные сверхустановки, а именно самоограничение и самообеспечение (опора на собственные силы) в денежном плане. С начала 1990-х гг. эти принципы

были целенаправленно скомпрометированы и выдавлены из дискурса — и народного, и экспертного, и официального — в интересах развития в России финансовой экономики. Впрочем, принципы самоограничения и самообеспечения не только не устарели, но и оказались удивительно созвучными по смыслу возникшим недавно идеям устойчивого развития. Мы не высказываем каких-либо нормативных суждений об актуальности и применимости тех или иных элементов русской традиционной этики для возможной корректировки инерционного сценария развития капитализма в России. Сегодня мало кто напрямую руководствуется в своём «рыночном поведении» старинными пословицами, а молодёжь, возможно, даже никогда и не слышала о них. Вместе с тем любые рассуждения о традиционных ценностях русских людей, их социокультурных «кодах», а уж тем более о «модернизации» этих ценностей или изменении кодов требуют прежде всего адекватного непредвзятого понимания, в чём именно они (ценности и коды) заключались.

Приложение

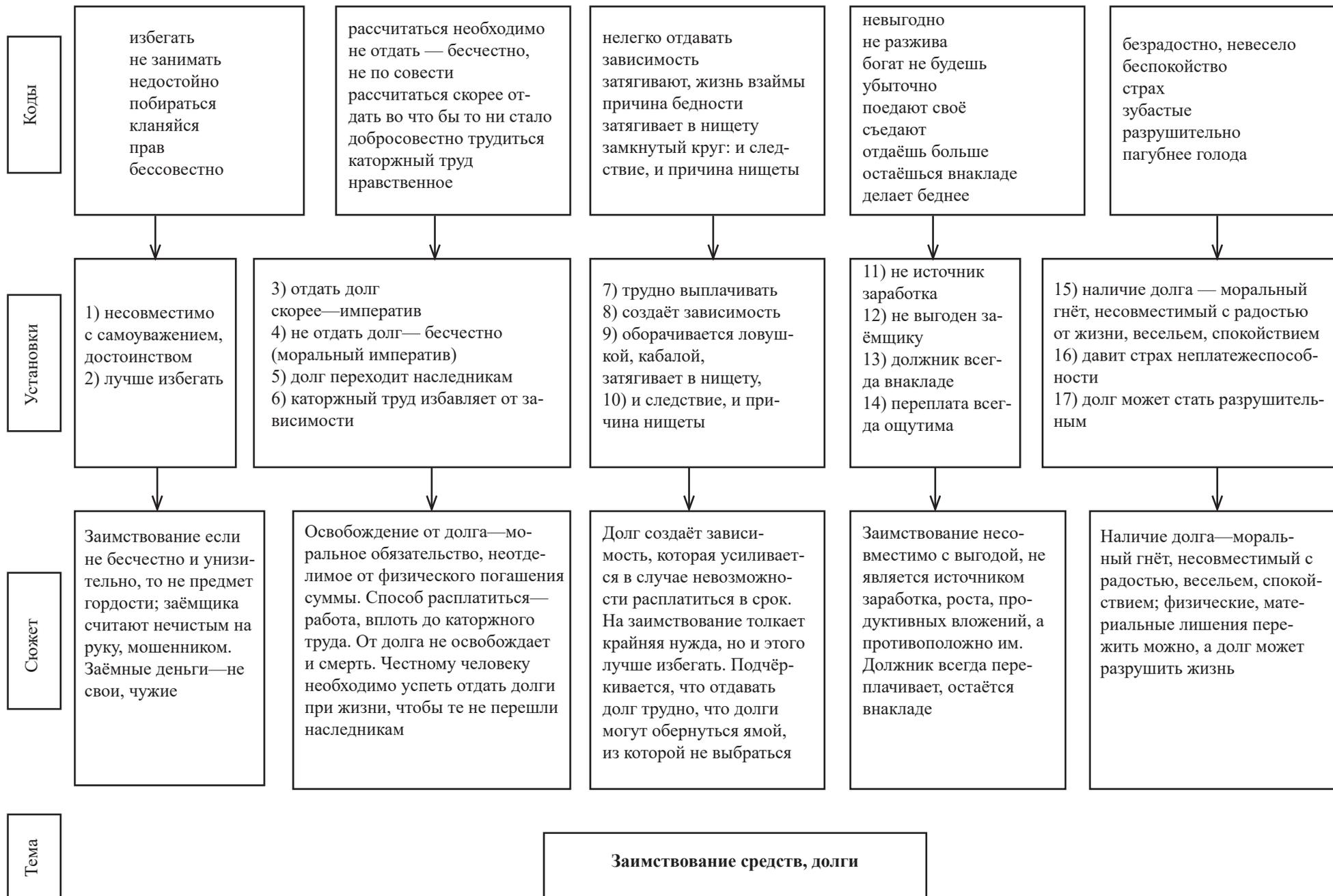

Рис. П.1. Выявление установок и их группировка (на примере темы займствования средств, долгов)

Литература

- Аникин В. П. 1957. *Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
- Аузан А. А. 2013. Социокультурные коды в экономическом анализе. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 1: 173–176.
- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.
- Веблен Т. 2022. Экономическая теория дамского платья. *Экономическая социология*. 23 (5): 37–44.
- Верников А. В., Курышева А. А. 2021. Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей. *Экономическая социология*. 22 (5): 11–38. doi: [10.17323/1726-3247-2021-5-11-39](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-11-39)
- Верников А. В., Курышева А. А. 2022. Жизнь займы: институциональные аспекты и их измерение. *Вопросы экономики*. 10: 138–156. doi: [10.32609/0042-8736-2022-10-138-156](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-10-138-156)
- Горшков А. В. 2011. Русские пословицы и поговорки как выражение национальной экономической культуры. *Вестник Челябинского государственного университета*. 36: 28–30.
- Даль В. И. 1862. *Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.* М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете.
- Ефимов В. М. 2016. *Экономическая наука под вопросом: иная методология, история и исследовательские практики*. М.: Курс; ИНФРА-М.
- Жигулёв А. М. 1958. *Русские народные пословицы и поговорки*. М.: Московский рабочий.
- Жуков В. П. 1991. *Словарь русских пословиц и поговорок*. М.: Русский язык.
- Зелизер В. 2004. *Социальное значение денег*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Карачина О. Е. 2015. Долг в русских и английских поговорках. *Национальная ассоциация учёных*. 6.3: 67–70.
- Коробков Ю. Д. 2019. Отношение уральских рабочих к воровству и обману в пореформенное время (на примере пословиц и поговорок). *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 19 (2): 14–19.
- Костюхин Е. А. 1999. Иван Снегирёв — человек, учёный, издатель пословиц. В кн.: Снегирёв И. М. *Русские народные пословицы и притчи*. М.: Индрик; 443–477.
- Кунин А. В. 1968. Фразеология и количественный подход к изучению фразеологических единиц. В сб.: Архангельский В. Л. (отв. ред.) *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц*. Материалы межвузовского симпозиума. Тула: Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н. Толстого; 36–41.

- Майминас Е. З. 2016. Социально-экономический генотип общества (1989). *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 4: 186–204.
- Махрова М. В., Кузнецов В. П. 2006. Налоги в русских пословицах и поговорках. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 11: 88–92.
- Местникова А. Б. 2005. Этнокультурные аспекты предпринимательства и занятости населения в Республике Саха (Якутия). *Экономическая социология*. 6 (3): 47–69. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3/26592608.html>
- Моисеева И. Ю., Чудина Е. В. 2004. Прагматические функции пословиц и поговорок. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 11: 170–172.
- Мосс М. 2011. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. В кн.: Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: КДУ; 134–285.
- Потапова Н. А. 2016. Анализ понятий «пословица» и «поговорка» в современной лингвистике. *Мир науки, культуры, образования*. 6: 358–361.
- Расков Д. Е. 2012. *Экономические институты старообрядчества*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Рыбникова М. А. 1961. *Русские пословицы и поговорки*. М.: Академия наук СССР.
- Скрадоль Н. 2011. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта». *Новое литературное обозрение*. 2: 160–183.
- Снегирёв И. М. 1999. *Русские народные пословицы и притчи*. М.: Индрик.
- Соболев А. И. 1983. *Русские пословицы и поговорки*. М.: Советская Россия.
- Тлехатук С. Р. 2017. Особенности представления материально-экономических культурных стереотипов социума во фразеологической картине мира. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 8.2: 157–159.
- Шабанова М. А. 2023. Этичное потребление как сфера гражданского общества в России: факторы и потенциал развития рыночных практик. *Экономическая социология*. 24 (1): 13–54. doi: [10.17323/1726-3247-2023-1-13-54](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-13-54)
- Ясин Е. Г. 2003. *Модернизация экономики и система ценностей*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Baudrillard J. 1996. *The System of Objects*. London; New York: Verso.
- Guest G., Namey E., Mitchell M. 2013. *Collecting Qualitative Data: A Field Manual for Applied Research*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.
- Lea S., Webley P., Levine M. 1993. The Economic Psychology of Consumer Debt. *Journal of Economic Psychology*. 14 (1): 85–119.
- Peebles G. 2010. The Anthropology of Credit and Debt. *Annual Review of Anthropology*. 39: 225–240.

- Schmitt B., Brakus J., Biraglia A. 2022. Consumption Ideology. *Journal of Consumer Research*. 49 (1): 74–95.
- Schütz A. 1962. *The Problem of Social Reality: Collected Papers I*. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Strathern M. 1992. Qualified Value: The Perspective of Gift Exchange. In: Humphrey C., Hugh-Jones S. (eds) *Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 169–191.
- Wrenn M. 2022. Myth Busting. Institutional Economics and Mythopoetics. In: Whalen Ch. (ed.) *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Abingdon, UK: Routledge; 225–246.

Andrei Vernikov, Anna Kurysheva

Living Beyond Means as Reflected in Old Russian Proverbs

VERNIKOV, Andrei—DSc (Econ.), Senior Research Fellow, Institute of Economics RAS. Address: 32 Nakhimovsky prospect, 117218, Moscow, Russian Federation.

Email: vernikov@inecon.ru

KURYSHEVA, Anna—CSc (Econ.), Senior Researcher, Southern Federal University. Address: 105/42 Bolshaya Sadovaya str., 344006, Rostov-na-Donu, Russian Federation.

Email: vesta11@list.ru

Abstract

This paper has its focus on the popular discourse of Russian people regarding living on credit and consumer debt. Proverbs and sayings serve as empirical material containing the institutions that shape economic culture of a certain historical period. We studied the relevant sections of the collection “Proverbs of the Russian People” published by Vladimir Ivanovich Dahl in 1862. The identified elements of discourse are combined into three groups: (1) living within one’s means and what impedes it; (2) borrowing by households; and (3) private lending. The main empirical result is that popular discourse, which prevailed until mid-19th century at least, was blatantly critical of debt bond and the phenomena that led to it by undermining the financial viability of a household. These are, primarily, overconsumption, consumerism, and excessive impulsive spending. Some of the value commandments encourage financial prudence and self-reliance based on self-restraint in consumption and spending. Other value commandments attack the properties which erode the foundation for self-reliance and financial prudence. The principles of self-restraint and self-reliance resonate with the contemporary ideas of sustainable development. We argue that further research in the direction that we earmark might change the sign of

the existing judgments regarding Russian traditional economic culture, which seems to be a topical and relevant matter nowadays.

Keywords: economic culture; sociology of consumption; core values; discourse analysis; debt; institution.

Acknowledgements

We would like to express our thanks to Dmitry Didenko, Maria Konyagina, Ivan Pavlyutkin, Tatiana Provolovich, Igor Pyzhev, Vladislav Rutskiy, Marina Ryzhkova and Elena Sevastyanova, anonymous reviewer, the participants of seminars held by Siberian Federal University and Southern Federal University, and conference held by HSE.

References

- Anikin V. (1957) *Russkiye narodnyye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskiy pholklor* [Russian Folk Proverbs, Sayings, Riddles and Children’s Folklore], Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR (in Russian).
- Auzan A. (2013) Sotsiokulturnyye kody v ekonomicheskom analize [Sociocultural Codes in Economic Analysis]. *Journal of the New Economic Association = Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, no 1, pp. 173–176 (in Russian).
- Baudrillard J. (1996) *The System of Objects*, London; New York: Verso.

- Berger P., Luckman T. (1995) *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti* [The Social Construction of Reality], Moscow: Medium Publisher (in Russian).
- Dal' V. (1862) *Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik poslovits, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy i prochee* [Proverbs of the Russian People. Collection of Proverbs, Sayings, Adages, Tongue-Twisters, Jokes, Riddles, Beliefs, etc.], Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University (in Russian).
- Gorshkov A. (2011) Russkiye poslovitsy i pogovorki kak vyrazheniye natsionalnoy ekonomicheskoy kultury [Russian Proverbs and Sayings as an Expression of National Economic Culture]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University = Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 36, pp. 28–30 (in Russian).
- Guest G., Namey E., Mitchell M. (2013) *Collecting Qualitative Data: A Field Manual for Applied Research*, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.
- Karachina O. (2015) Dolg v russkikh i angliyskikh paremiyakh [Debt in Russian and English Proverbs]. *National Association of Scientists = Natsionalnaya assotsiatsiya uchenykh*, no 6.3, pp. 67–70 (in Russian).
- Korobkov Yu. (2019) Otnosheniye uralskikh rabochikh k vorovstvu i obmanu v porephormennoe vremya (na primere poslovits i pogovorok) [The Attitude of the Ural Workers to Theft and Deceit in the Post-Reform Period (On the Example of Proverbs and Sayings)]. *Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities = Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki*, vol. 19, no 2, pp. 14–19 (in Russian).
- Kostyukhin E. (1999) Ivan Snegirev—chelovek, uchenyy, izdatel poslovits [Ivan Snegirev as a Person, Scientist, Publisher of Proverbs]. *Russkiye narodnyye poslovitsy i pritchi* [Russian Folk Proverbs and Parables] (I. Snegirev), Moscow: Indrik Publisher, pp. 443–477 (in Russian).
- Kunin A. (1968) Phrazeologiya i kolichestvennyy podkhod k izucheniyu phrazeologicheskikh edinit [Phraseology and Quantitative Approach to the Study of Phraseological Units]. *Problems of Stability and Variability of Phraseological Units* (ed. V. Arkhangelskiy). Materials of the Interuniversity Symposium, Tula: Tula State Pedagogical Institute named after Lev Tolstoy Publisher, pp. 36–41 (in Russian).
- Lea S., Webley P., Levine M. (1993) The Economic Psychology of Consumer Debt. *Journal of Economic Psychology*, vol. 14, no 1, pp. 85–119.
- Maiminas E. (2016) Sotsialno-ekonomicheskiy genotip obshchestva (1989) [Socio-Economic Genotype of Society (1989)]. *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics = Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no 4, pp. 186–204 (in Russian).
- Makhrova M., Kuznetsov V. (2006) Nalogi v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Taxes in Russian Proverbs and Sayings]. *Bulletin of the Orenburg State University = Vestnik Orendurgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 11, pp. 88–92 (in Russian).
- Mauss M. (2011) Opyt o dare. Forma i osnovaniye v arkhaiskikh obshchestvakh [The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies] *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality. Papers on Social Anthropology] (M. Mauss), Moscow: Knizhnyi Dom Universitet Publisher, pp. 134–285 (in Russian).

- Mestnikova A. (2005) Etnokulturnyye aspekty predprinimatelstva i zanyatosti naseleniya v Respublike Sakha (Yakutiya) [Ethnocultural Aspects of Entrepreneurship and Employment in the Republic of Sakha (Yakutiya)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 6, no 3, pp. 47–69. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3/26592608.html> (accessed 19 November 2022) (in Russian).
- Moiseeva I., Chudina E. (2004) Pragmaticheskiye phunktsii poslovits i pogovorok [Pragmatic Role of Proverbs and Sayings]. *Bulletin of the Orenburg State University = Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 11, pp. 170–172 (in Russian).
- Peebles G. (2010) The Anthropology of Credit and Debt. *Annual Review of Anthropology*, vol. 39, pp. 225–240.
- Potapova N. (2016) Analiz ponyatiy “poslovitsa” i “pogovorka” v sovremennoy lingvistike [Analysis of the Concepts of “Proverb” and “Saying” in Modern Linguistics]. *The World of Science, Culture, Education = Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no 6, pp. 358–361 (in Russian).
- Raskov D. (2012) *Ekonomicheskiye instituty staroobryadchestva* [The Economic Institutions of the Old Believers], St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (in Russian).
- Rybnikova M. (1961) *Russkiye poslovitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings], Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union (in Russian).
- Schmitt B., Brakus J., Biraglia A. (2022) Consumption Ideology. *Journal of Consumer Research*, vol. 49, no 1, pp. 74–95.
- Schütz A. (1962) *The Problem of Social Reality: Collected Papers I*, The Hague: Martinus Nijhoff.
- Shabanova M. (2023) Etichnoe potreblenie kak sfera grazhdanskogo obshchestva v Rossii: phaktory i potentsial razvitiya rynochnykh praktik [Ethical Consumption as a Sphere of Russian Civil Society: Factors and the Development Potential of Market Practices]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 1, pp. 13–54. doi: 10.17323/1726-3247-2023-1-13-54 (in Russian)
- Skradol’ N. (2011) “Zhit stalo veseleye” stalinskaya chastushka i proizvodstvo “idealnogo sovetskogo subiekta” [“Life has Become More Fun”: Stalin’s Ditty and the Production of the “Ideal Soviet Person”]. *New Literary Review = Novoe literaturnoe obozrenie*, no 2, pp. 160–183 (in Russian).
- Snegirev I. (1999) *Russkiye narodnyye poslovitsy i pritchi* [Russian Folk Proverbs and Parables], Moscow: Indrik Publisher (in Russian).
- Sobolev A. (1983) *Russkiye poslovitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings], Moscow: Sovetskaya Rossiya Publisher (in Russian).
- Strathern M. (1992) Qualified Value: The Perspective of Gift Exchange. *Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach* (eds. C. Humphrey, S. Hugh-Jones), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 169–191.
- Tlekhatuk S. (2017) Osobennosti predstavleniya materialno-ekonomicheskikh kulturnykh stereotipov sotsiuma vo frazeologicheskoi kartine mira [Specificity of Representing Economical and Cultural Social Stereotypes in the Phraseological Worldview]. *Philology. Theory & Practice*, no 8.2, pp. 157–159 (in Russian).

- Veblen T. (2022) Ekonomicheskaya teoriya damского plat'ya [The Economic Theory of Woman's Dress]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 5, pp. 37–44. doi: [10.17323/1726-3247-2022-5-37-44](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-37-44) (in Russian).
- Vernikov A., Kuryшева A. (2021) Pokaznoe potreblenie v dolg. Na primere legkovykh avtomobiley [Precedence and Conspicuousness in Car Consumption]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 11–39 (in Russian). doi: [10.17323/1726-3247-2021-5-11-39](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-11-39)
- Vernikov A., Kuryшева A. (2022) Zhizn vzaimy: institutsionalnye aspekty i ikh izmereniye [Household Debt: An Institutionalist Perspective and Empirical Assessment]. *Voprosy Ekonomiki*, no 10, pp. 138–156 (in Russian). doi: [10.32609/0042-8736-2022-10-138-156](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-10-138-156)
- Wrenn M. (2022) Myth Busting. Institutional Economics and Mythopoetics. *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (ed. Ch. Whalen), Abingdon, UK: Routledge, pp. 225–246.
- Yasin E. (2003) *Modernizatsiya ekonomiki i sistema tsennostey* [Economic Modernization and the System of Values], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Yefimov V. (2016) *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inaya metodologiya, istoriya i issledovatel'skie praktiki* [Economics in Question: Another Methodology, History and Research Practices], Moscow: Kurs; INFRA-M Publ. (in Russian).
- Zelizer V. (2004) *Sotsialnoe znachenie deneg* [The Social Meaning of Money], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Zhigulev A. (1958) *Russkiye narodnyye poslovitsy i pogovorki* [Russian Folk Proverbs and Sayings], Moscow: Moskovskiy rabochiy Publisher (in Russian).
- Zhukov V. (1991) *Slovar russkikh poslovits i pogovorok* [Collection of Russian Proverbs and Sayings], Moscow: Russkiy yazyk Publisher (in Russian).

Received: February 2, 2023

Citation: Vernikov A., Kuryшева A. (2023) Otnoshenie k zhizni ne po sredstvam v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Living Beyond Means as Reflected in Old Russian Proverbs]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 3, pp. 33–57. doi: [10.17323/1726-3247-2023-3-33-57](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-3-33-57) (in Russian).